

К ЧИТАТЕЛЯМ

Главной темой, основным предметом настоящей книги является судьба военнопленных в СССР — судьба сложная, далеко не однозначная, всегда трудная, нередко трагическая, но в конечном счете чаще всего приводившая к свободе и духовному возрождению. Эта судьба выпала на долю свыше 5 млн человек, в большинстве своем бывших военнослужащих нацистской Германии, фашистской Италии, императорской Японии, их союзников и сателлитов. В настоящем сборнике впервые столь полно публикуются важнейшие архивные документы, определявшие все стороны пребывания военнопленных в Советском Союзе и во многом повлиявшие на их дальнейшую жизнь.

Чем же обусловлен выпуск в свет этого издания? Прежде всего потребностями исторической науки, императивом полноты и достоверности исторической памяти человечества. Но дело не только в этом. Сверхзадачей настоящей и аналогичных ей публикаций документальных материалов о Второй мировой войне выступает постижение ее подлинного — бесчеловечного и преступного — характера и действие утверждению культуры мира, способной противостоять любым формам милитаризма.

Попробуем кратко пояснить только что высказанную мысль.

Вторая мировая война явилась, несомненно, крупнейшей катастрофой за всю историю человечества. Она ужасает не только беспрецедентными масштабами боевых действий и разрушений, неисчислимыми человеческими жертвами. Особый трагизм ей придают политическая преднамеренность мировой бойни, отнюдь не импульсивный, а хладнокровно продуманный характер решений и действий тех государственных лидеров и введомой ими части общества, которые подготовили и развязали Вторую мировую войну.

Одно только это позволяет утверждать: существует реальная угроза самоуничтожения человечества, что свидетельствует об органической *деструктивности* исторически сложившегося политического, экономического и социального порядка. И, как очевидно, предельно радикальной деструктивности, которая в кризисных условиях может вновь стать доминирующей общественной силой и привести человечество теперь уже к глобальной катастрофе.

Десятилетия, минувшие после окончания Второй мировой войны, не поколебали этот вывод. Напротив, холодная война и вызванная ею гонка вооружений, так называемые локальные конфликты, превосходившие иной раз по своей продолжительности и числу жертв некоторые войны, разгул терроризма и насилия, идеологические расколы, возникновение новых форм вооруженного вмешательства в дела суверенных государств — все это и многое другое говорит о том, что в XXI столетие человечество вступает одновременно и в послевоенной, и в предвоенной обстановке.

Феномен своего рода незавершенности Второй мировой войны, выразившийся в повышенной конфликтности межгосударственных отношений, наложил свой отпечаток и на историческую науку. Наряду с дальнейшим накоплением фактов, обоснованием новых подходов и точек зрения, плодотворной полемикой по ключевым проблемам военного периода, которые питают развитие творческой исторической мысли, со второй половины 80-х годов резко возросло число публикаций, где ревизуются, переоцениваются как основные причины и движущие силы Второй мировой войны, так и ее исторические итоги.

Среди наиболее одиозных исторических построений, имеющих прямое отношение к теме настоящей книги, выделяются попытки обоснования равной ответственности Советского Союза и нацистской Германии за развязывание мировой войны и рассмотрения нападения Германии на СССР не как акта аг-

рессии, а как вполне оправданного превентивного шага. Ненаучный характер подобных построений вряд ли нуждается в подробном анализе. Достаточно отметить, что их авторы как бы оставляют за скобками целую полосу военных, политических и идеологических приготовлений гитлеровской Германии и ее союзников, включая ввод немецких войск в демилитаризованную Рурскую область, нарушение установленных Версальским договором ограничений вооружений, аншлюс с Австрией, вторжение в Эфиопию, Чехословакию, Польшу, Албанию, Югославию, Грецию и, наконец, такое чудовищное преступление, как холокост, который начал готовиться еще до прихода Гитлера к власти.

Но примечателен не только и не столько явственный антиисторизм творцов и сторонников рассматриваемых версий. Куда большее беспокойство вызывает активное формирование ложных воззрений на Вторую мировую войну (и Великую Отечественную войну как ее важнейшую и самую масштабную составную часть), равно как и год от года возрастающее негативное влияние искаженной картины мировой войны на политическое мышление и практику, публицистику, литературу и искусство, да и на широкое общественное сознание.

Возьмем на себя смелость утверждать: релятивистски деформированная история, составной частью которой стало размывание граней между агрессором и его жертвами, — это не просто безответственная «игра в бисер» с искусственно выхваченными историческими фактами. Это непосредственное проявление той самой радикальной деструктивности, таящейся в порах сложившегося международного жизнеустройства, которая породила войны и способна вновь вызвать теперь уже последнюю самоубийственную тотальную войну.

Решающее значение проблемы войны и мира для будущего человечества, необходимость окончательного подведения итогов Второй мировой войны как крайней формы вооруженного противоборства, которая должна быть полностью исключена из межгосударственных и международных отношений, обязывают представителей исторической науки и, шире, все ответственные государственно-политические, научные и общественные круги противопоставить деструктивному релятивизму доказательное знание. А это означает не что иное, как исчерпывающий анализ подлинных исторических фактов и отображающих их документов.

Особенно велика роль глубокого научного исследования архивных документов стран — участниц Второй мировой войны, в том числе и сравнительно недавно открытых для ученых архивных материалов СССР военного периода. Время требует от исследователей великой честности (а иногда и мужества), ибо без них гласность может стать игрушкой в руках демагогов. Только научное освоение основного массива архивных документов позволит подняться на новый уровень исторической оценки мировой войны как многогранного явления общественной жизни, создаст возможность критического анализа имеющихся исследований с учетом новых данных и, возможно, обяжет внести существенные коррективы в уже устоявшиеся выводы и заключения, сделанные на основе неполных либо недостоверных источников. До тех пор пока этого сделано не будет, возможны и сознательно фальсифицированные толкования прошлого в угоду чьим-то интересам, и непреднамеренные ошибочные выводы и утверждения.

Сказанное относится и к теме настоящего сборника — судьбе военнопленных в СССР. Длительное время основные документы, отражавшие этот аспект Второй мировой и Великой Отечественной войны, носили гриф «Совершенно секретно». Доступа к ним исследователи не имели. Поэтому и разработка этой темы в СССР велась вяло, поверхностно. Наиболее продвинутой в изучении, да и то не в полном объеме, была деятельность Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких

офицеров. Ну а за рубежом в эти годы активно издавались преимущественно воспоминания репатриированных военнопленных, где нередко основным мотивом были тяжелые условия пребывания в плену, что заслоняло иные, более значимые для целостного видения проблемы аспекты темы.

Лишь только на рубеже 80—90-х годов у нас в стране началось рассекречивание архивных фондов, в том числе и касающихся иностранных военнопленных. Это сразу же оживило исследовательскую работу по данной проблематике. Появились публикации Е.Ю.Бондаренко, И.В. Безбородовой, В.П.Галицкого, В.В.Гуркина, А.Е.Елифанова, В.Б.Конасонова, С.И.Кузнецова, А.И.Круглова, Л.Е.Решина, А.В.Терещука и других, где рассматривались различные стороны жизни военнопленных в СССР. На сегодня в той или иной мере исследованы вопросы численности, правового статуса военнопленных, их медицинского обслуживания, условий содержания, трудового использования и др.

Открытие фондов российских архивов значительно активизировало изучение темы военнопленных в СССР и за рубежом. Плодотворно работает группа исследователей Института Людвиг Бальтцмана в Австрии под руководством профессора С. Карнера. Изданы первые сборники документов по отдельным аспектам жизни военнопленных в СССР, которые учтены и составителями настоящего сборника¹.

Но в целом проблематика военного плена в СССР еще только входит в полосу активного изучения профессиональными историками. Многие вопросы остаются дискуссионными и нуждаются в дополнительных исследованиях, подтвержденных подлинными документами. На отдельные драматические события Второй мировой войны, затронувшие судьбы миллионов людей, изученные на сегодня документы архивов проливают лишь едва брезжащий луч света. Предстоит трудоемкая исследовательская работа на основе ставших доступными документов, которая позволит отделить ложь от правды, пересмотреть некоторые сложившиеся стереотипы, искажающие действительные события. В этих условиях особо важное значение приобретают публикации коллекций документов, хранящихся в архивах многих стран мира. Даже при открытости архивов немногие исследователи имеют к ним доступ. *Публикация документов позволяет архивам не только в полной мере выполнять свою миссию общественного достояния, хранилищ памяти народов и государств, но и как бы войти в дома исследователей, куда более полно включиться в научный оборот.*

Имеются и специальные причины, требующие привлечения архивных материалов к научному освещению проблемы военного плена в период Второй мировой войны. И связаны они с настоящим переворотом, который произошел в обращении воюющих государств с пленными военнослужащими противника. Позволим себе в этой связи небольшое отступление.

В течение всей мировой истории (во всяком случае, с момента возникновения государства) войны, как правило, сопровождалась таким явлением, как пленение противника — добровольной сдачей или принудительным захватом воинских контингентов противоборствующей стороны. И всегда пленение — было ли оно почетным либо позорным, следствием признания невозможности сопротивления либо проявлением упадка воинского духа — понималось, а затем и признавалось международным правом как прекращение для военнопленных состояния войны.

Предельно ожесточенный характер Второй мировой войны опрокинул это традиционное представление и пограл связанные с ним традиции воинской чести. **Политические и военные руководители стран-агрессоров превратили плен в продолжение войны.** Они создали беспрецедентную по своей жестокости технологию массового истребления, принудительного изнурительного труда, физического и морально-психологического подавления как плененных военнослужащих, так и насильственно захва-

ченных гражданских лиц оккупированных стран. Это они организовали Бухенвальд, Майданек, Освенцим, другие лагеря смерти, которые были предназначены для уничтожения целых народов.

Но исходя из объективной логики военного противоборства обороняющаяся сторона была вынуждена прибегать к адекватным ответам на действия противника, распространив суровую технологию содержания в плену и на военнотружущих самого агрессора. Однако это отнюдь не была технология продолжения войны. Во всех странах антифашистской коалиции она направлялась прежде всего на денацификацию и демилитаризацию бывших военнотружущих армий государств-агрессоров, на их возвращение к мирной жизни. Наряду с наказанием за военные преступления она предусматривала и искупление пленными своей вины, давала им шансы на достойное гражданское будущее. И это принесло поразительные результаты. Именно бывшим военнотружущим армий государств-агрессоров, испытавшим плен и обретшим там духовное возрождение, принадлежала заметная роль в преодолении наследия милитаризма, возрождении национальной государственности, создании предпосылок экономического роста.

Сказанное в полной мере относится и к итогам пребывания военнопленных Второй мировой войны в нашей стране. Не давая оснований для какой-либо идеализации положения военнопленных в СССР, архивные документы неоспоримо доказывают, что вся система организации их быта и труда была подчинена задачам скорейшего прекращения войны, преодоления ее материальных и духовных последствий, превращения недавних военнотружущих противника в сознательных сторонников мира. Другое дело, что все эти задачи решались во вполне конкретных (и исключительно тяжелых!) условиях и вполне конкретными людьми, которые не могли отрешиться от своих утрат и связанных с ними переживаний.

Исключительно беспощадный и кровопролитный характер военных действий на территории нашей страны, огромные масштабы разрушений гражданских объектов, гибель и притеснения мирных жителей оккупантами, применение тактики выжженной земли — это и много другое заставляло военнотружущих агрессора ждать возмездия в плену. На фронте мне не раз приходилось встречаться с только что взятыми в плен солдатами и офицерами вермахта. Прошло почти шесть десятков лет. Целая жизнь. В памяти стерлись многие детали, но глаза военнопленных, выражавшие одновременно страх и робкую надежду, вижу и сегодня. Такое психологическое состояние, возникающее в критических жизненных ситуациях, человек помнит всю жизнь. Сами солдаты вермахта в многочисленных письмах и воспоминаниях подтверждали, что, попав в плен, начали осознавать свою ответственность и опасаться расправы, особенно стихийной. Однако в нашей стране органами власти никогда не издавались никакие инструкции, приказы, санкционирующие уничтожение каких бы то ни было категорий военнопленных (за исключением, разумеется, наказания за совершенные преступления по суду). В Советском Союзе не просто запрещались самосуды, а их инициаторы сурово и неотвратимо преследовались по закону. И хотя СССР не ратифицировал Женевскую конвенцию 1929 г., определившую правила обращения с военнопленными, ее положения, как это увидит читатель, нашли отражение в директивных документах, регламентировавших содержание военнопленных, которые не противоречили нормам международного права. В любом случае, среди причин трагической гибели военнопленных в лагерях СССР бесчеловечное отношение не значилось.

Нельзя забывать и о том, что экономическое положение СССР во время войны и сразу же после ее окончания было исключительно тяжелым. На огромной территории страны, где проживала треть населения, была полностью уничтожена промышленность, разрушены жилье и объекты жизнеобеспечения, разорено сельское хозяйство. Промышленность районов, не пострадавших от военных действий, была переведена на военные рельсы, а сельское хозяйство было в значительной мере истощено. В ходе эвакуации

были перемещены, оторваны от родных мест десятки миллионов людей, вывезены и вновь возведены в удаленных районах сотни промышленных объектов. Потери среди военнослужащих и гражданского населения за весь период войны превысили 25 млн. человек; практически все мужчины работоспособных возрастов служили в Вооруженных силах или были заняты на оборонных объектах. Гражданское население в значительной части бедствовало, нуждалось в предметах первой необходимости, в жилье, продуктах питания. И вопреки всем этим обстоятельствам иностранным военнопленным в СССР были гарантированы питание по нормам, установленным для гражданского населения, кров над головой, медицинское обслуживание и оплата за выполняемую работу. В Германии, где народы большинства стран антигитлеровской коалиции официально считались расово неполноценными и, следовательно, заведомо обреченными на уничтожение, подобное обращение с пленными было просто невыносимо...

Гибли ли военнопленные в СССР? Согласно имеющимся документам, в лагерях для военнопленных умерло более 580 тыс. человек². Среди основных причин смерти — боевые ранения, их последствия и осложнения, дистрофия на почве систематического недоедания, нервно-психические заболевания, вызванные душевными потрясениями в ходе военных действий, а также, разумеется, смерть в силу естественных причин и не столь редко — при попытке к бегству. Многие были на краю гибели еще в момент сдачи в плен. Так, после Сталинградского сражения из общего числа плененных более 500 человек находились без сознания, у 70% была дистрофия, практически все страдали от авитаминоза и находились в состоянии крайнего физического и психического истощения. Были широко распространены воспаление легких, туберкулез, болезни сердца и почек. Почти 60% пленных имели обморожения 2-й и 3-й степени с осложнениями в виде гангрены и общего заражения крови. Наконец, примерно 10% находились в столь безнадежном состоянии, что уже не оставалось реальной возможности их спасти³.

Называя столь веские причины смертности военнопленных в местах их содержания в нашей стране, составители сборника отнюдь не собираются списать на них гибель людей. Напротив, нами отстаивается точка зрения, согласно которой *именно показатели смертности, состояния здоровья, трудовой и культурной активности в плену, а также доля возвратившихся на родину являются интегрирующими показателями при оценке политической воли лидеров государств и реального поведения органов власти и управления, отвечавших за содержание военнопленных*. И факты подтверждают высказанную точку зрения: из общей численности военнопленных в СССР в лагерях умерло 15, а в Германии — 57 процентов⁴. Это соотношение чуть ли не математически точно передает кардинальные различия двух систем обращения с военнопленными, одновременно показывая и доказывая, на чьей стороне были право и справедливость, что явилось действительным источником Победы нашего народа в Великой Отечественной войне.

Как же сложилась действовавшая в СССР в военный период система работы с пленными из числа бывших военнослужащих вооруженных сил агрессора? В силу известных причин вопросы содержания военнопленных не могли приобрести существенного хозяйственного и организационного значения в начальный период Великой Отечественной войны: ведь до ноября 1942 г. их насчитывалось чуть больше 10 тыс. человек⁵. И только с завершением Сталинградской битвы обстоятельства резко изменились. Массовая сдача в плен находившихся в окружении вражеских солдат и офицеров — голодных, раненых и больных, не по климатическим условиям одетых, создала множество трудностей советскому командованию.

Именно после Сталинградского сражения началось становление системы лагерей и госпиталей для массы военнопленных. В это время были приняты многие директивные документы, в соответствии с

которыми Главное управление по делам военнопленных и интернированных Народного комиссариата внутренних дел СССР проводило всю работу по приему, размещению, содержанию, организации питания, медицинскому обслуживанию и трудовому использованию, учету и всем другим моментам, регламентирующим жизнь военнопленных.

Как показано во введении к настоящему сборнику, становление системы содержания, организации труда и быта военнопленных в СССР шло с большими трудностями и неоправданными издержками, подчас приводившими и к людским потерям. Неоднократно пересматривались то в сторону ужесточения, то в сторону смягчения документы, регулировавшие обращение с пленными. В обе стороны корректировались нормы их обеспечения продуктами питания. Нередко затягивались сроки репатриации военнопленных. И в то же время очень многое делалось, чтобы и в плену бывшие военнослужащие противника ощущали себя людьми, чтобы они могли поддерживать связи со своими родными и близкими и находили удовлетворение в труде.

С 22 июня 1941 г. по 8 мая 1945 г., согласно имеющимся документам Генерального штаба, частями Советской Армии было пленено 4377,3 тыс. вражеских военнослужащих. После разгрома Квантунской армии число военнопленных увеличилось на 639 635 человек. Скажем сразу, что не все взятые в плен брались под стражу на долгий срок. На завершающем этапе войны, после соответствующих проверок, военное командование само проводило репатриацию пленных. В общей сложности из прифронтовой полосы было направлено домой 680 000 пленных из числа бывших военнослужащих немецкой армии и 64 888 бывших военнослужащих армии Японии. Более 183 000 человек было отправлено домой даже без оформления на них каких-либо документов.

Сложившаяся в период Великой Отечественной войны объективная ситуация не позволяла ограничиваться пленением только лишь военнослужащих регулярной армии агрессора. Известно, что отступавшие войска, карательные и диверсионные органы противника подготавливали на оставляемой ими территории крупные формирования из числа своих пособников и агентов, которым вменялось в обязанность продолжение сопротивления любыми доступными средствами. Поэтому в целях пресечения террористических актов и диверсий в тылу продвигающейся Советской Армии было интернировано 208 239 чел., «годных к физическому труду и способных носить оружие», а также 61 573 арестованных функционеров низовых нацистских партийных и административных органов. В плен попали и более 200 000 граждан Советского Союза, принимавших участие в войне на стороне Германии, и 14 100 выявленных военных преступников. Они находились в спецлагерях НКВД—МВД⁶.

Всего на территории СССР и других государств наряду с 24 фронтовыми лагерями были сформированы и действовали 72 приемно-пересыльных пункта, более 500 лагерей и специальных объектов для военнопленных, 214 спецгоспиталей, 421 рабочий батальон, 322 лагеря органов репатриации военнопленных, интернированных и иностранных граждан. Через эти лагеря, госпитали и рабочие батальоны прошло более 4 млн военнопленных и около 300 тыс. интернированных⁷. Как по национальному составу, так и по своему гражданству военнопленные в СССР представляли пеструю картину: достаточно отметить, что в лагерях находились лица более 60 национальностей⁸. Таковы реальные масштабы этого до конца еще не изученного, крайне противоречиво оцениваемого и весьма существенного по своим долговременным последствиям аспекта Великой Отечественной и Второй мировой войны.

Резюмируя сказанное, назовем основные задачи, которые ставили перед собой составители настоящего сборника.

Во-первых, публикация объединенных в сборнике архивных материалов призвана содействовать полноте и объективности исторической памяти человечества за счет инкорпорирования в нее подлинных документов, отображающих наиболее надежные свидетельства о реальных событиях.

Во-вторых, настоящая публикация должна восполнить разительный пробел в документированной истории XX века, относящийся к самому драматическому и масштабному событию уходящего столетия — Второй мировой войне, а также к ее непосредственным последствиям.

В-третьих, сборник должен представить историкам, социологам, экономистам, правоведам, другим специалистам, а также широкой общественности подлинные документы, освещающие судьбы, трудовую деятельность и быт людей, содержащихся в лагерях для военнопленных в СССР.

Наконец, составители сборника ставили перед собой важную в моральном отношении гуманитарную задачу — предоставить возможность семьям военнопленных, включая и родственников тех, кто не дождался возвращения на родину, получить достоверную информацию, проливающую свет на судьбы их близких.

Таким образом, можно говорить не только о научном, но и о большом общественном значении настоящего издания. Опубликование корпуса документов, связанных с положением военнопленных в СССР, призвано также напомнить общественности и государственно-политическим кругам о непредсказуемости последствий войны для ее инициаторов. Остается надеяться, что настоящее издание будет служить формированию и распространению культуры мира, утверждению ее в умах, сердцах и делах как представителей широких общественных кругов, так и тех деятелей и лидеров, которые отвечают за принятие и реализацию ответственных государственно-политических решений. Мы также очень хотели, чтобы настоящая публикация стимулировала представителей исторической науки к более глубокому и объективному изучению событий Великой Отечественной и Второй мировой войны, побуждала к более критичной оценке публикаций исторических трудов на военные темы.

М.М. Загорюлько
Волгоград, май 2000 г.

¹ Гуркин В.В., Круглов А.И. Кровавая расплата агрессора // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 32, 33; За Германию против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. М., 1993; Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1997; Русский архив: Великая Отечественная. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. М.: Терра, 1996. Т. 24 (13).

² Галицкий В.П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 44—5.

³ Епифанов А.Е. Сталинградский плен: 1942—1956 годы (немецкие военнопленные в СССР). Мемориальный музей немецких антифашистов. М., 1999. С. 40—41.

⁴ Гуркин В.В., Круглов А.И. Кровавая расплата агрессора // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 33; Штрайт К. Советские военнопленные — массовые депортации — принудительные работы // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований: Пер. с нем. М.: Весь мир, 1997. С. 589.

⁵ Центр хранения историко-документальных коллекций (далее — ЦХИДК). Ф. 1/е, оп. 01е, д. 6, л. 1.

⁶ См.: Документ № 3.93 настоящего сборника.

⁷ См.: Приложение 4 настоящего сборника; Безбородова И.В. Иностранцы военнопленные и интернированные в СССР: из истории деятельности Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД—МВД СССР в послевоенный период (1945—1953 гг.) // Отечественная история. 1997. № 5. С. 172.

⁸ См.: Документ № 3.93 настоящего сборника.